

I

О связи Ницше с античностью даже среди его поклонников господствуют нередко неправильные представления. Конечно, всем известно, что он был студентом и даже профессором классической филологии и таким образом стоял к античности гораздо ближе, чем ее вернейшие сыны в прошлом -- Петрарка и Гёте. Но полагают, что этот "первый Ницше" не был еще настоящим Ницше, что он стал филологом только по недоразумению и, поняв себя, отбросил эти связующие путы своей молодости. Одним словом, создают такие же искусственные грани, как и между "молодым Гёте" и Гёте после итальянского путешествия, или между Толстым-художником и Толстым-моралистом, причем, действительно, в первом и последнем случае собственное отречение героя идет навстречу этой разделительной теории. В противоположность к ней я утверждаю *единство развития Ницше, как сына и проповедника античности, от первой до последней написанной им строки*.

Из трех эпох, на которые принято делить творчество Ницше, первая (до 1872 г.) была посвящена обнаружению тех идеалов античности, которым он служил в дальнейшем: идеи дионисиазма и имморального понимания трагедии, идеи гераклитизма и имморального понимания мирового становления, идеи греческого аристократизма и имморального понимания этики и политики. Во всех этих областях он имел противником тот "морализм", который он производил от Сократа; борьбе с ним он посвятил вторую эпоху своей писательской жизни (1872--1882). Для большей успешности этой борьбы, он вступил в союз со скептиками французского "просвещения", Вольтером и другими; они были его маяками в его сочинениях от "Человеческого, слишком человеческого" до "Веселой науки".

Если, таким образом, реальное влияние античности на эту вторую эпоху в творчестве Ницше было лишь косвенным, -- поскольку он в борьбе с "морализмом" прокладывал себе путь к идеалам доморальной аристократической и трагической Греции, -- то ее *формальное* влияние продолжалось и становилось сильнее чем когда-либо. В сущности, Ницше располагал не одним, а двумя стилями, которые я, отчасти с его слов, мог бы назвать *символическим* и *эпиграмматическим*. Его образцом в символическом стиле, как мы увидим, был Гераклит; свой образец для эпиграмматического стиля он называет сам в одном месте "Сумерек божков": "Мое понимания стиля, именно эпиграмматического стиля, проснулось почти мгновенно при соприкосновении с Саллюстием". Там же он продолжает, характеризуя стиль Саллюстия: "Сжатый, суровый, с возможно большим количеством субстанции в основе, с холодной злобой против "красивого слова", а равно и "красивого чувства", -- по этим приметам я угадал самого себя. В моих сочинениях, вплоть до Заратустры, найдут очень серьезное стремление к *римскому* стилю, к *aere perennius*. То же самое я испытал при первом соприкосновении с Горацием. До сих пор ни один поэт не доставил мне такого художественного восхищения, как горациевская ода, и притом с первых же дней. То, что здесь достигнуто, в известных языках не может быть даже предметом хотения. Эта мозаика, в которой каждое слово, как звук, как место, как понятие, излучает свою силу на всю окрестность, этот минимум в объеме и числе знаков и достигнутый этим максимум в энергии, -- все это нечто римское и, прошу верить, нечто изысканное (у Ницше непереводимое слово *vornehm*) *par excellence*. В сравнении с этим вся остальная поэзия становилась чем-то уже слишком вульгарным -- простою болтливостью чувства".

Ницше не мог возвышать одного, не принижая другого; суждение об "остальной поэзии" мы оставляем поэтому на его ответственности. Здесь для нас важно отметить эту им же признанную зависимость в формальном отношении от обоих мастеров эпиграмматического стиля в прозе и в поэзии, Саллюстия и Горация. А этот стиль, яркий и твердый, как сталь, он выковал себе только в нашу отрицательную эпоху своей борьбы со "змеем". В более ранних сочинениях его еще не заметно, или, по крайней мере, не так заметно: и в "Рождении трагедии", и в "Несвоевременных размышлениях" мысль, нередко облекаясь в восхитительные образы, еще борется с материей тягучих, запутанных конгломератов слов и предложений; тот Ницше, которого Германия сразу признала и полюбила, как одного из своих лучших и оригинальнейших стилистов, возник лишь в эпоху от "Человеческого, слишком человеческого" до "Веселой науки", -- или, говоря правильно, сразу предстал готовым в первом сочинении этой серии. Это и есть стиль "*aere perennius*".